

ПРАГМАТИКА ФОЛЬКЛОРА

УДК 398.89

ББК 82.3(2Рос=Рус)

«ПОЮ ДА ПЛАЧУ»: К ВОПРОСУ О ПРАГМАТИКЕ ФОЛЬКЛОРНОГО ПЕНИЯ

АНТОНИНА СЕРГЕЕВНА СЕМЕНОВА

(Санкт-Петербургский государственный университет: Российская Федерация, 199034,
г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11)

***Аннотация.** В статье ставится вопрос о прагматике фольклорного пения. Рассматривается одна из современных фольклорных певческих практик — пение в одиночестве, «для себя». Источником сведений служат сообщения людей, практикующих такое пение. На основании полевых интервью делается вывод, что цели поющего, сформированные его психологическим состоянием, определяют выбор песни, а специфические особенности поэтики этих песен участвуют в образовании терапевтического эффекта пения. Биографические сведения об исполнителях, представление об их эмоциональном состоянии во время пения в одиночестве, цели и результаты осуществляемого действия могут быть выявлены из контекста пения. Исследование выполнено на материале современных полевых записей фольклорных песен, входящих в репертуар жителей деревень, расположенных на территории бассейна реки Мезени в Архангельской области.*

***Ключевые слова:** прагматика, песенный фольклор, фольклорное пение, исполнитель, поэтика.*

Народные песни в том или ином виде присутствуют в нашем частном и общем пространстве. Их поют за столом, собравшись компанией, горожане и сельские жители, они включаются в сценарии праздников, организуемых местными властями. Народные песни входят в репертуар фольклорных ансамблей, академических и любительских хоров, эстрадных певцов. Но что означают народные песни для тех, кто их поет? Зачем люди поют их в компании и в одиночестве?

Русский песенный фольклор как объект исследования основательно освещен отечественными фольклористами

и этномузыковедами¹. Можно без преувеличения сказать, что его изучали представители всех научных школ и направлений отечественной фольклористики. В предметное поле исследований песенного фольклора традиционно входят такие вопросы, как соотношение песенного текста и действительности, генезис и исторические трансформации песенных жанров и отдельных песен, поэтика песенных жанров, личность исполнителя песен и традиция, семантика песенного текста, песенный репертуар, состояние локальных песенных традиций. Песенный текст изучается в диахроническом

¹ Музыкальный аспект фольклорного пения в данной работе не рассматривается. Вопрос о легитимности изучения песенного фольклора филологическими методами (безотносительно музыки) решается современными исследователями по-разному и до сих пор служит предметом дискуссий. Об этом, напр.: [Дианова 2013].

и синхронном планах, в контексте «исторической действительности», в этнографическом контексте, как этнографический и исторический источник, как художественное произведение². Песенный фольклор рассматривался и в функциональном плане. Отечественные исследователи писали о «бытовом назначении» [Пропп 1976], «бытовой роли» [Гиппиус 1928], «назначении» [Колпакова 1962; Аникин 2001], «цели», «целенаправленности» [Круглов 1977] песенных жанров, в основном — обрядового фольклора (см.: [Колпакова 1962; Круглов 1982]). Необходимо подчеркнуть, что исследователи ставили вопрос о функциях песенных жанров, а не функциях песни в конкретном акте исполнения, т. е. фольклорная песня рассматривалась в совокупности своих вариантов и безотносительно исполнителя³.

Если понимать фольклорное пение как одну из форм речи⁴, песня может быть рассмотрена как речевое произведение, исполненное «здесь-и-сейчас» конкретным человеком с определенной целью. Такой ракурс позволяет поставить вопрос об отношении речевого произведения с тем, кто его производит. Этот вопрос лежит в области прагматики (см.: [Адоньева 2004]). С позиций прагматики рассматривает городские и деревенские певческие практики советского и постсоветского периодов американский славист Л. Олсон. Она исследует, как и зачем власть воздействует на исполнение народной музыки, как песенный фольклор используется в постсоветский период в политических целях и как он связан с конструированием идентичностей [Olson 2004]. Ряд зарубежных исследователей — Р. ЛаПаша, Р. Стайтс, Н. Эдмундс — работают в этом же направлении (см.: [Soviet music and society 2009]). Они исследуют роль музицирования в ранний советский период и в сталинскую эпоху (рассматриваются такие темы, как музыкальная самодеятельность, музыкальная

пропаганда, взаимоотношения советских композиторов и власти).

Данная статья представляет собой опыт анализа прагматики конкретных актов исполнения фольклорных песен. Необходимость обращения к контексту определила выбор материала исследования: им послужили полевые записи фольклорных песен, хранящиеся в цифровом архиве Кабинета фольклора филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (далее — ФА СПбГУ), выполненные в ходе фольклорно-антропологических экспедиций СПбГУ в Мезенский и Лешуконский р-ны Архангельской обл. в 2007–2014 гг.

Современная практика пения фольклорных песен на указанной территории осуществляется в нескольких типовых ситуациях: хором со сцены; хором (дуэтом) в неформальной обстановке; хором или сольно во время интервью; в одиночестве. Во всех ситуациях, кроме последней, в коммуникации задействовано более одного человека. Например, в ситуации интервью помимо информанта, поющего песню, присутствует собиратель, рядом могут находиться члены семьи информанта, соседи и т. д. Исполнение песни в этой ситуации не является спонтанным: оно спровоцировано присутствием собирателя. Рассмотреть с точки зрения прагматики пение во всех перечисленных ситуациях в рамках статьи не представляется возможным. В данной статье будет рассмотрен один из перечисленных типов «певческих практик» — пение в одиночестве, «для себя». Она предполагает только одного субъекта песенной речи и одного адресата, причем адресатом выступает сам субъект речи. Практика пения в одиночестве, о которой пойдет речь, — индивидуальная и спонтанная. К пению в одиночестве располагает специфическое состояние — «когда тяжело на душе». Меня будет интересовать, кто практикует такое пение, эмоциональное состояние исполнителей,

² Предметное поле исследований очерчено на основе данных выпусков библиографического указателя «Русский фольклор».

³ Этот подход прослеживается на протяжении двух столетий изучения русского песенного фольклора (см., напр.: [Сокальский 1851; Гиппиус 1928; Лазутин 1964, Акимова 1977, Колпакова 1960; Власова 1984; Лапин 1995; Алексеевский, Добровольская 2008]).

⁴ Представление о фольклоре как об одной из форм речи обосновано К. В. Чистовым [Чистов 2005, 52–67].

их цели, эффект пения, а также средства экспрессивности⁵ и другие особенности поэтики песенных текстов, исполняемых в этой ситуации. Биографические сведения об исполнителях, представление об их эмоциональном состоянии во время пения в одиночестве, цели и результаты осуществляемого действия могут быть выявлены из контекста, которым в данном случае служат автобиографические нарративы исполнителей, высказывания по поводу песен, эмоциональные проявления во время рассказов об этой практике и в ходе исполнения этих песен в присутствии собирателя.

О том, что поют определенные песни в одиночестве, собирателям сообщили 7 женщин⁶: «...пою да плачу, пою да плачу...» (Зап. от женщины⁷, 1932 г. р., Мезенский р-н. Соб. И. С. Веселова, В. В. Козак, А. С. Семенова. 2007 г.) [ФА СПбГУ, Мез4-48]; «Я эту люблю песню... вечно плачу, пою, дак, эту песню дома» (Зап. от женщины 1933 г. р., Лешуконский р-н. Соб. А. А. Гавриленко. 2010 г.) [ФА СПбГУ, Леш21-9]; «...эту пою песню, всегда плачу...» (Зап. от женщины, 1929 г. р., Лешуконский р-н. Соб. И. С. Веселова, А. В. Козлова, Е. А. Беляева. 2010 г.) [ФА СПбГУ, Леш4-109]; «Вот эту песню все пела я да плакала» (Зап. от женщины, 1923 г. р., Мезенский р-н. Соб. А. Ю. Рахманин, В. В. Беркутова. 2007 г.) [ФА СПбГУ, Мез4-38]; «Пою, одна, одной же это... плакать, плачешь-плачешь... Всё вот эти песни пою, дак плачу» (Зап. от женщины, 1907 г. р., Мезенский р-н. Соб. А. Ю. Цветкова, И. А. Кравчук. 2007 г.) [ФА СПбГУ, Мез21-1]; «И такую пою, и такую опять пою, и солдатску пою, и плачу..» (Зап. от женщины, 1919 г. р., Мезенский р-н. Соб. О. Г. Хон, А. А. Солдаева. 2008 г.) [ФА СПбГУ, Мез21-47];

«...я сижу, пою и плачу» (Зап. от женщины, 1927 г. р., Лешуконский р-н. Соб. Е. В. Ченуша, В. К. Никитина. 2014 г.) [ФА СПбГУ, DTxt14-158].

Почти все женщины, по их словам, плачут, когда поют в одиночестве. Причем, судя по настоящему времени глаголов, речь идет о повторяющемся действии, т. е. пение определенных песен заставляет плакать каждый раз. Похоже, что пение таких песен представляет собой специальную практику, сходную с окказиональным причитанием (см.: [Разумовская 1984; Адоньева 2004, 222]).

Исполняя такие песни в присутствии собирателей, информантки не плакали. На видеозаписи собирателями зафиксирован один случай пения, перемежающегося с плачем. На время плача исполнительница прерывает пение (Зап. от женщины, 1919 г. р., Мезенский р-н. Соб. О. Г. Хон, А. А. Солдаева. 2008 г.) [ФА СПбГУ, DV08_Arch-Mez_048]. На этом основании я сделала предположение, что под формулировкой «пою да плачу» подразумевается, что пение перемежается с плачем⁸.

Обратившись к автобиографическим нарративам женщин, практикующих пение в одиночестве, я обнаружила, что их объединяет опыт вдовства или несчастливого брака. Каждой из них пришлось пережить утрату родных и близких.

В цитированных выше интервью речь идет о песнях «Вы послушайте, да подерженьки», «Семнадцать лет как по неволе», «Нам не для чего в людюшки, в люди торопиться», «Калина со малиной не во время расцвела», «Ах, зачем эта ночь», «При саду, при долине», «Изда гор крутых Карпатских», «Потеряла я колечко».

⁵ Экспрессивность, по определению В. Н. Гридина, — «совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи. Экспрессивность свойственна единицам всех уровней языка». [Гридин 1990].

⁶ О том, что поет для себя, сообщил один мужчина: «<Соб.: А когда стали петь? В каком году?> Да не знаю, в каком году. У меня в голову вошло оно. Как-то оно сразу получилось. И я начал петь, петь. Один где-то сижу, сижу, и пою. <...> <Соб.: А вы один поете?> Один, один» (Зап. от мужчины, 1927 г. р., Мезенский р-н. Соб. А. А. Маточкин. 2009 г.) [ФА СПбГУ, Мез21-150]. «Я когда один-то это. Дак я пою, пою. Какую вспомню вошшэ, пою. Начинаю вошшэ. А вот эту, “Меж крутых бережков”, я на крылечке сижу и пою» (Он же) [ФА СПбГУ, Мез21-160].

⁷ Имена информантов и названия деревень не приводятся по этическим причинам.

⁸ Вообще же пение не предполагает слезного плача (см.: [Лобанов 2005, 239]).

Можно предположить, что исполнители интуитивно выбирают песни, заставляющие их плакать. Эти песни «берут за душу»: «От, и слёз-то нет, молитвы-те, а вот песни-ти, всё задеват за душу-то... И плацую...» (Зап. от женщины, 1907 г. р., Мезенский р-н. Соб. А. Ю. Цветкова, И. А. Кравчук. 2007 г. [ФА СПбГУ, DTxt07-202]; «...ну, така, за душу меня берет почему-то дак. <...> Да, вот порой до слез про..., когда тяжело на душе, до слез пробирает» (Зап. от женщины, 1932 г. р., Мезенский р-н. Соб. И. С. Веселова, В. В. Козак, А. С. Семенова. 2007 г.) [ФА СПбГУ, Мез4-48].

Женщины так описывают состояние, при котором им хочется петь эти песни: «А вот когда очень тяжело...» (Зап. от женщины, 1955 г. р., Мезенский р-н. Соб. О. В. Овчарская. 2009 г.) [ФА СПбГУ, Мез4-78]; «Вот когда останешься один-то, один-то, жизнь прокручиваешь, прокручивается и, конечно, вспоминаю, когда-то было плохое, когда-то хорошее. В жизни всяко бывало, и думаешь, думаешь, думаешь и наплачешься. И тогда и помурлыкаешь, и попоешь» (Зап. от женщины, 1955 г. р., Лешуконский р-н. Соб. Е. Д. Каплан. 2011 г.) [ФА СПбГУ, Леш4-135]; «... когда тяжело на душе...» (Зап. от женщины, 1932 г. р., Мезенский р-н. Соб. И. С. Веселова, В. В. Козак, А. С. Семенова. 2007 г.) [ФА СПбГУ, Мез4-48]⁹.

Приведу тексты четырех из названных выше песен с комментариями исполнителей.

*«Вы послушайте, да подруженьки,
Что я вам скажу,»²
Раздуй, развей, непогодушка,
Калинку в саду. Вишь, у меня и духу
не хватает.
Ой, калинку в саду,
Калина со малиною,
Лазеревой цвет,
Ой, лазеревый цвет,
Нехороша та беседаушка,*

*Где милого нет,
Ой, где милого нет.
Развеселая та компаньюша,
Где мой милый пьет,
Ой, где мой милый пьет,
Он пить-то не пьет,
Да голубчик мой,
За мной младой илет. <...>*

...мне вот она полюбилась, я и запомнила, нет-нет и напеваю. Сама да одна. <Он “не пьет”..?> Он пить-то не пьет, да голубчик мой, а все меня младю, молодую ждет. Вот и я уж нынче спела и говорю: “Это, Вася, песня про нас”. Раньше у меня муж-то занимался спортом, не пил, не пил вообще и вот к девкам, а в компании мы много гуляли, свадеб одних вот в деревни, у родственников тут по району дак, сорок с лишним свадеб мы сыграли. Да, вот так раньше и говаривали, что “где ***овы, там весело”. Вот, там, в общем, пели, плясали тоже, в молодости, а теперь-то мы все уж устарели — че уж нам, по семьдесят пять скоро будет» (Зап. от женщины, 1932 г. р., Мезенский р-н. Соб. И. С. Веселова, В. В. Козак, А. С. Семенова. 2007 г.) [ФА СПбГУ, Мез4-48].

Информантка и ее муж с молодости участвовали в местном фольклорном хоре. Она была запевалой, он аккомпанировал пению и участвовал в плясках. Песню «Вы послушайте, да подруженьки» информантка спела по своему выбору. Слова «Это, Вася, песня про нас» свидетельствуют о том, что исполнительница проецирует ситуацию песенного текста на свой опыт; они коррелируют с ее биографическим опытом: ср.: *развеселая компаньюша — в компании мы много гуляли, «где ***овы, там весело»¹⁰*. Из интервью известно, что муж информантки на тот момент был тяжело болен. В последние два года они уже не могли ходить в хор. (Ср. в песне: *нехороша та беседаушка, где милого нет*). Воспоминания о молодости вызывают у исполнительницы грусть,

⁹ Сходным образом исследователи описывают состояние женщин, практикующих окказиональные причитания: «Исполнительницы... под гнетом горестных переживаний (потеря близких или вынужденная разлука с ними, болезнь, обида, одиночество, тоска по родным местам и пр.), “коли горе задавит”, уходят подальше от людей, в лес, на болото, в поле и там наедине с собой и с природой... выплакивают-выкрикивают свою боль, пока хватает сил — “голосуют, покуль все в середке прогорит”» [Разумовская 1984, 160].

¹⁰ Свойство песенных формул и общих мест вызывать ассоциации исполнителей и аудитории отмечают многие исследователи (см., напр.: [Веселовский 1989, 595; Мальцев 1989, 87; Лурье 2001, 218]).

лексические повторы усиливают это чувство¹¹.

«Из-за гор крутых Карпатских
 Между дальних чужих стран
 Пробирался ночью темной
 Санитарный караван.
 Впереди идет повозка,
 На повозке красный крест,
 А в повозке слышны стоны:
 Братья, скоро ли конец?
 Ждите, ждите, обождите, —
 Отвечает им сестра, —
 Скоро мы на пункт приедем,
 Напою вас, накормлю.
 Перевязки перевяжут,
 Домой письма напишут. <Последние
 строчки поет, надрываясь, после этой
 строчки плачет без слез. — Соб.>
 Вот тут вот эту да я не могу петь.
 Вот солдат письмо диктует:
 Здравствуй, милая жена.
 Жив, и раны неопасны,
 Скоро дома буду я.
 А сестра все пишет, пишет,
 Ей на сердце тяжело,
 У ей муж давно убитый,
 Сердце кровью облито.
 Из-за гор крутых Карпатских
 Между дальних чужих стран
 Пробирался ночью темной
 Санитарный караван. <плачет. — Соб.>
 Эту-то песню я не могу петь. Ну все...»
 (Зап. от женщины, 1919 г. р., Мезенский
 р-н. Соб. О. Г. Хон, А. А. Солдаева. 2008 г.)
 [ФА СПбГУ, Мез21-47].

Женщина, спевшая эту песню, вышла замуж в 17 лет, через полтора года ее муж погиб на войне. «Вот ведь кака судьба-то. Ушел и не вернулся дак. А писал дак о-о-о, господи, на неделе по три письма придет. Только жди да, да только жди, да только жди да» [Там же].

Эту песню информантка спела, когда собиратели попросили ее что-нибудь спеть. По ее словам, она каждый раз начинает плакать, когда поет о том, как солдат пишет письмо. По-видимому, эта

ситуация напоминает ей о том, что ее ожидание возвращения мужа с войны было напрасным.

В этой песне строки не повторяются (информантка пела с трудом и могла сократить повторы), но в конце повторяется первое четверостишие.

«При саду, при долине
 Громко пел соловей,
 А я, мальчик, на чужбине
 Позабыт от людей.
 Позабыт, позаброшен
 С молодых, юных лет,
 Я остался сиротою,
 Счастья-доли мне нет,} 2
 Я помру — похоронят,
 Похоронят меня,
 А родные не узнают,
 Где могилка моя.} 2
 На мою на мозилку,
 Знать, никто не придет,
 Только раннею весною
 Соловей пропоет,} 2
 Пропоет ли, просвищет
 И опять улетит,
 Моя бедная могилка
 Сиротою стоит.

Пошо я плачу-то: что я, вот, дожила <нрзб.> в ... всю жизнь, прожила сто лет, сто лет, девяносто было семь, а теперь, может, здесь похоронить придется, вот отчего слезки и бежут, и плачу! На свою родину, может, где маменьки, тетки, сколько сестер уж захоронены, все, и соседи захоронили, я одна осталась!» (Зап. от женщины, 1907 г. р., Мезенский р-н. Соб. А. Ю. Цветкова, И. А. Кравчук. 2007 г.) [ФА СПбГУ, Мез21-1].

Исполнительница этой песни тоже военная вдова. Она осталась с четырьмя детьми, трое сыновей впоследствии умерли. Информантка переживает по поводу того, что она вынуждена доживать свой век вдали от родных мест, в доме престарелых. Возможно, общее место, описывающее гибель сироты в чужом краю, помогает ей выразить свои чувства¹².

¹¹ Исследователи отмечают, что песенные повторы создают настроение [Еремина 1978, 164], позволяют переживанию «случиться во времени» [Адоньева 2011, 159–160], стимулируют воображение, мобилизуют личный эмоциональный опыт [Чистов 2005, 172].

¹² О способности песенных формул и общих мест служить средством символизации личных переживаний см.: [Мальцев 1989, 73, 89; Адоньева, Герасимова 1996, 361; Николаев 1997; Дианова 2010].

«Когда вот у меня Витька уехал, я сижу, пою и плачу. Пела я песню “Потеряла я колечко”:

*Потеряла я колечко,
Да потеряла я любовь <...>
По этому колечку
Да буду плакать день и ночь,} 2,
Куда ж мой миленький девался,
Куда хороший мой ушел?} 2
Да он ушел, ушел-уехал, 2
Да жить во дальни города,
Он ушел, ушел-уехал,
Да жить во дальни города,
Да он уехал и оставил
Да мне малютку на руках,} 2
Ой, передам сестре малютку,
А сама выйду на крыльцо,} 2
А на крыльцо выходила
Да вижу: мой милой идет,} 2
Бросилась ему навстречу
Да назвала его дружком,} 2
А не зови меня дружоком,
Да я теперь уже не твой,} 2
А я теперь уже не твой же,
Да я женился на другой,} 2
А я женился-переменился
Да не по нраву жанку взял,} 2
Ой не по нраву, некрасиву
Да не по сердцу своему,} 2
Ой я не буду и не стану
Да за реку в гости ходить,} 2
А только буду, только стану
Да стару лубушку любить.*

*<Соб.: Красивая очень.> Вот види-
те, песни, вот, старинные какие были,
да? Вот эта измена вся опевалась, да
вот наш-то возраст, мы-то росли, да
уж не позволишь ничего, о! Вот на этих
песнях мы и учились» (Зап. от женщи-
ны, 1927 г. р., Лешуконский р-н. Соб.*

¹³ О роли песенных формул и общих мест в осмыслении и переосмыслении индивидуального опыта см.: [Мальцев 1989, 89–90; Адоньева, Герасимова 1996, 361–362]. Исследователи отмечают, что исполнители соотносят песенные общие места со своим индивидуальным опытом [Адоньева 2009, 19; Дианова 2010]. Общие места в песнях из индивидуального песенного репертуара соотносятся с набором актуальных для данного человека культурных сюжетов, которые используются для интерпретации своего прошлого (см.: [Лотман 1996, 36, 38; Адоньева 2001, 165; Веселова 2003, 534; Олсон, Адоньева 2016, 25]).

¹⁴ Исходя из формальной организации текстов, можно заключить, что все перечисленные песни имеют протяжный напев, который, безусловно, играет значительную роль в создании настроения. Ср.: «Иной раз слова просты и безхитростны, а под звуки песни все сердце изболит» [Каривин 1902, 18]. Ю.И. Каривин, публицист начала XX в., иллюстрирует эту мысль эпизодом из «Фомы Гордеева», где женщина плачет, слушая песню. Она начинает рыдать при первых же звуках песни [Там же, 18–20].

¹⁵ С. Ушакин определяет травму как «акт нарушения — или даже полного разрушения — привычного образа жизни и сложившихся моделей самовосприятия», «неожиданный разрыв ткани социальной жизни» [Ушакин 2009, 8].

Е. В. Ченуша, В. К. Никитина. 2014 г.) [ФА СПбГУ, DTxt14-158]. Муж этой женщины уехал на свою родину, к другой, оставив ее с ребенком. Информантка интерпретирует ситуацию из своего опыта как общую (ср.: *эта измена вся опевалась*)¹³.

Я предполагаю, что целью (скорее всего, неосознаваемой) рассматриваемой практики пения является облегчение негативных переживаний. Называние, проговаривание переживаний, по мнению исследователей, имеет терапевтический эффект, поскольку это делает их управляемыми (см.: [Адоньева, Герасимова 1996, 361–362; Адоньева 2011, 7]). Исполнители перечисленных выше песен не говорят об эффекте, достигаемом в результате пения, но есть случаи, когда наличие терапевтического эффекта пения отмечают сами исполнители: «А другой раз в лесу запоешь, когда никто не слышит и не видит, слезы катятся, и сам поешь. Мне так кажется, легче бывает после этого» (Зап. от женщины, 1955 г. р., Мезенский р-н. Соб. О. В. Овчарская. 2009 г.) [ФА СПбГУ, Мез4-78]; «...когда поёшь, меньше стареешь, меньше болеешь. Почему? Потому что организм... как, наполняется кислородом, и нервы в порядке» (Зап. от женщины, 1927 г. р., Лешуконский р-н. Соб. Е. В. Ченуша, В. К. Никитина. 2014 г.) [ФА СПбГУ, DTxt14-158].

По моей гипотезе катаргический плач провоцирует специфическая поэтика этих песен, а именно общие места на тематическом уровне и повторы строк (или их частей)¹⁴. Терапевтический эффект проговаривания переживаний усиливается повторами. Повторы присутствуют во всех перечисленных песнях.

Исследователи травмы¹⁵ признают терапевтический эффект проговаривания

негативного опыта¹⁶, однако полагают, что оно не всегда имеет целью избавление от травматичных переживаний. С. Ушакин утверждает, что для посттравматического состояния нехарактерно «стремление уйти от травмы»: «Люди учатся жить с травмой — не подавляя и не вытесняя ее негативное действие, но находя для нее место в своей судьбе и в истории о себе» [Травма 2009, 8, 9]. Люди, пережившие негативный опыт, стремятся облечь его в символические формы культуры. С. Ушакин объясняет воспроизведение этих форм попытками «работы с травмой», которые заключаются в стремлении «воспроизвести ситуацию, в которой

травма может быть узнана, признана и, наконец, интегрирована в символическую систему субъекта» [Там же, 15, 16]. Однако исследователи травмы убеждены, что травма «не поддается окончательной символизации», «невыразимость» является ее основной чертой [Там же, 16, 40]¹⁷.

Песни, о которых шла речь в данной статье, представляют собой культурные формы, используемые для выражения горестных чувств. Отмечаемой исследователями невозможностью «окончательной символизации» травматичных переживаний, на мой взгляд, можно объяснить потребность периодически обращаться к этим культурным формам.

Литература

Адоньева 2001 — Адоньева С. Б. Категория настоящего времени: культурные сюжеты и жизненные сценарии // Труды ф-та этнологии: Сб. ст. СПб., 2001. Вып. 1. С. 160–169.

Адоньева 2004 — Адоньева С. Б. Прагматика фольклора. СПб., 2004.

Адоньева 2011 — Адоньева С. Б. Символический порядок. СПб., 2011.

Адоньева, Герасимова 1996 — Адоньева С., Герасимова Н. «Никто меня не пожалеет...»: Баллада и романс как феномен фольклорной культуры нового времени // Современная баллада и жестокий романс / Сост. С. Адоньева, Н. Герасимова. СПб., 1996. С. 234–258.

Акимова 1977 — Акимова Т. М. Очерки истории русской народной песни. Саратов, 1977.

Алексеевский, Добровольская 2008 — Алексеевский М. Д., Добровольская В. Е. От составителей // Личность в фольклоре: исполнитель, мастер, собиратель, исследователь / Сост. М. Д. Алексеевский, В. Е. Добровольская. М., 2008. С. 6–18.

Аникин 2001 — Аникин В. П. Русское устное народное творчество. М., 2001.

Веселова 2003 — Веселова И. С. Прагматика устного рассказа // Современный городской фольклор / Под ред. А. Ф. Белоусова, И. С. Веселовой, С. Ю. Неклюдова. М., 2003. С. 234–244.

Веселовский 1989 — Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М., 1989.

Власова 1984 — Власова З. И. О принципах публикации современных песенных записей // Русский фольклор. Л., 1984. Т. 22. С. 107–120.

Гиппиус 1928 — Гиппиус Е. В. Культура протяжной песни на Пинеге // Крестыанское ис-

кусство СССР. Вып. 2. Искусство Севера. Л., 1928. С. 98–116.

Гридин 1990 — Гридин В. Н. Экспрессивность // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/591a.html> (дата обращения: 14.06.2016).

Дианова 2010 — Дианова Т. Б. Контекстуальные единицы в составе песенно-лирических текстов (типология и функции) // Фольклор: текст и контекст. Сборник статей. М., 2010. С. 50–67. URL: <http://www.philol.msu.ru/~folk/Lyrica10.htm> (дата обращения: 21.03.2016).

Дианова 2013 — Дианова Т. Б. Необрядовая лирика в фольклористике XX—XXI веков: проблемы, пути их решения и научные горизонты // Навстречу Третьему Всероссийскому конгрессу фольклористов: Сб. науч. ст. М., 2013. С. 167–186.

Еремина 1978 — Еремина В. И. Поэтический строй русской народной лирики. Л., 1978. (Из истории мировой культуры).

Каривин 1902 — Каривин Ю. И. Рассказы о песнях и певцах: Очерки из истории литературы. Саратов, 1902.

Колпакова 1960 — Колпакова Н. П. Опыт классификации традиционной крестьянской бытовой песни // Русский фольклор. М.; Л., 1960. Т. 5. С. 200–218.

Колпакова 1962 — Колпакова Н. П. Русская народная бытовая песня / Отв. ред. А. М. Астахова. М.; Л., 1962.

Круглов 1977 — Круглов Ю. Г. Поэтический мир русских свадебных величальных песен // Проблемы изучения русского устного народного творчества (жанровая специфика народных произведений). Сб. трудов. М., 1977. Вып. 4. С. 89–104.

¹⁶ См.: [Там же, 29].

¹⁷ Ср.: Е. Н. Разумовская описывает случай, когда горе переживается причитающей как неизбежное [Разумовская 1984, 166].

Круглов 1982 — *Круглов Ю. Г.* О жанровой специфике поэтического стиля обрядовой поэзии // Поэтическая стилистика. Воронеж, 1982. С. 24–32.

Лазутин 1964 — *Лазутин С. Г.* Очерки по истории русской народной песни (филологическое исследование). Воронеж, 1964.

Лапин 1995 — *Лапин В.* Русский музыкальный фольклор и история (к феноменологии локальных традиций): Очерки и этюды. М., 1995.

Лобанов 2005 — *Лобанов М. А.* Еще раз об истоках русской лирической песни // Памяти Михаила Кесаревиича Михайлова: Сб. матер. и ст. к 100-летию со дня рождения (1904–2004) / Сост. и отв. ред. Г. А. Некрасова. СПб., 2005. С. 121–130.

Лотман 1996 — *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996.

Лурье 2001 — *Лурье М. Л.* Образ города в советской лирической песне // Образы России в научном, художественном и политическом дискурсах (история, теория, педагогическая практика: Матер. науч. конф. (4–7 сентября 2000 г.) Петрозаводск, 2001. С. 214–225. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/lurjem37.pdf> (дата обращения 07.06.2016)

Мальцев 1989 — *Мальцев Г. И.* Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. Л., 1989.

Николаев — *Николаев О. Р.* Почему мы не поем «русские народные» песни до конца (о некоторых механизмах трансляции русской песенной традиции) // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL:

<http://www.ruthenia.ru/folklore/nikolaev1.htm> (дата обращения: 08.04.2016).

Олсон, Адоньева 2016 — *Олсон Л., Адоньева С. Б.* Традиция, трансгрессия, компромисс: Миры русской деревенской женщины. М., 2016.

Пропп 1976 — *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность: Избр. ст. М., 1976. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).

Разумовская 1984 — *Разумовская Е. Н.* Плач с «кукушкой»: Традиционное необрядовое голошение русско-белорусского пограничья (по материалам экспедиций 1971–1981 гг.) // Славянский и балканский фольклор: Этногенетическая общность и типологические параллели. М., 1984. С. 160–178.

Сокальский 1851 — *Сокальский И.* О народных русских песнях // Сын отечества. 1851. Кн. 1. Науки и художества. С. 1–16.

Травма 2009 — *Травма: пункты: Сб. ст. / Сост. С. Ушакин, Е. Трубина; Под ред. С. Ушакина, Е. Трубиной.* М., 2009.

Ушакин 2009 — *Ушакин С.* «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты: Сб. ст. / Сост. С. Ушакин, Е. Трубина / Под ред. С. Ушакина и Е. Трубиной. М., 2009. С. 5–41.

Чистов 2005 — *Чистов К. В.* Фольклор. Текст. Традиция: Сб. ст. М., 2005.

Olson 2004 — *Olson L.* Performing Russia. Folk revival and Russian identity. New York; London, 2004.

Soviet music and society 2009 — *Soviet Music and Society under Lenin and Stalin: The Baton and Sickle / Ed. Neil Edmunds.* London; New York, 2009.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Аспирантка кафедры истории русской литературы филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета: Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11; тел.: +7 (812) 328-08-42; e-mail: mercadera@yandex.ru

“I’M SINGING AND CRYING”: TO THE QUESTION OF FOLK SINGING PRAGMATICS

ANTONINA SEMENOVA

(St. Petersburg State University: 11, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation)

Summary. *This work raises the question of pragmatics of folk songs. The paper considers one of the modern folk singing practices — singing alone. Reports of people who practice such singing provide an information source about the practice. Basing on field interviews I have come to conclusion that the relation between song poetics and pragmatics is that psychological state of*

a singer induces his (her) illocutionary goals. These goals determine the choice of songs. Specific features of the songs' poetics are involved in the therapeutic effect of singing. Biographical information about singers, understanding of their emotional state at the moment of singing alone, goals and results of the ongoing action can be identified from the context of singing.

The study is based on the contemporary field recordings of folk songs that are part of the repertoire of rural people that live in Mezen' the river's basin in Arkhangelsk region.

Key words: pragmatics, folk songs, folk singing, singer, poetics.

References

- Adon'eva S. B.** (2001) Kategoriya nenastoyashchego vremeni: kul'turnye syuzhety i zhiznennye stsenarii [Not-Present Time Category: Cultural Plots and Existential Scripts]. *Trudy fakul'teta etnologii* [Transactions of the Faculty of Ethnology: Coll. Papers]. St. Petersburg. 2001. Issue 1. Pp. 160–169. In Russian.
- Adon'eva S. B.** (2004) Pragmatika fol'klora [Pragmatics of Folklore]. St. Petersburg. In Russian.
- Adon'eva S. B.** (2011) Simvolicheskiy poryadok [Symbolic Order]. St. Petersburg. In Russian.
- Adon'eva S., Gerasimova N.** (1996) «Nikto menya ne pozhaleet...»: Ballada i romans kak fenomen fol'klornoy kul'tury novogo vremeni ["Nobody Will Regret Me": Ballade and Romance as Phenomena of Folklore Culture of the Modern Time]. *Sovremennaya ballada i zhestokiy romans* [Contemporary Ballade and Cruel Romance]. Comp. by S. Adon'eva, N. Gerasimova. St. Petersburg. Pp. 234–258. In Russian.
- Akimova T. M.** (1977) Ocherki istorii russkoy narodnoy pesni [Essays on the History of Russian Folk Songs]. Saratov. In Russian.
- Alekseevskiy M. D., Dobrovol'skaya V. E.** (comp., foreword) (2008) Lichnost' v fol'klоре: ispolnitel', master, sobiratel', issledovatel' [Personality in Folklore: Performer, Master, Collector, Researcher]. Moscow. Pp. 6–18. In Russian.
- Anikin V. P.** (2001) Russkoe ustnoe narodnoe tvorchestvo [Russian Oral Folk Creativity]. Moscow. In Russian.
- Chistov K. V.** (2005) Fol'klor. Tekst. Traditsiya [Folklore. Text. Tradition]. Moscow. In Russian.
- Dianova T. B.** (2010) Kontekstual'nye edinitsy v sostave pesenno-liricheskikh tekstov (tipologiya i funktsii) [Contextual Units in Song Lyric Texts (Typology and Functions)]. *Fol'klor: tekst i konteksty* [Folklore: Text and Context]. Moscow. Pp. 50–67. URL: <http://www.philol.msu.ru/~folk/Lyrica10.htm> (retrieved 21.03.2016). In Russian.
- Dianova T. B.** (2013) Neobryadovaya lirika v fol'kloristike XX—XXI vekov: problemy, puti ikh resheniya i nauchnye gorizonty [Non-Ceremonial Lyrics in Folklore Studies of the 20th — the 21st Centuries: Problems, Solutions and Scholarly Sky-lines]. *Navstrechu Tret'emu Vserossiyskomu kongressu fol'kloristov* [Towards the 3rd All-Russian Congress of Folklore Researchers]. Moscow. Pp. 167–186. In Russian.
- Edmunds N.** (ed.) (2009) Soviet Music and Society under Lenin and Stalin: The Baton and Sickle. London; New York. In English.
- Remina V. I.** (1978) Poeticheskiy stroy russkoy narodnoy liriki [Poetic Structure of the Russian Folk Lyrics]. *Iz istorii mirovoy kul'tury* [From the History of World Culture]. Leningrad. In Russian.
- Gippius E. V.** (1928) Kul'tura protyazhnoy pesni na Pinege [Drawing Song Culture at Pinega]. *Krest'yanskoe iskusstvo SSSR* [Peasant Art of the USSR]. Issue 2. *Iskusstvo Severa* [Art of the North]. Leningrad. Pp. 98–116. In Russian.
- Gridin V. N.** (1990) Ekspressivnost' [Expressiveness]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Ed. by V. N. Yartseva. Moscow. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/591a.html> (retrieved 14.06.2016). In Russian.
- Karivin Yu. I.** (1902) Rasskazy o pesnyakh i pevtсах. Ocherki iz istorii literatury [Stories about Songs and Singers]. Saratov. In Russian.
- Kolpakova N. P.** (1960) Opyt klassifikatsii traditsionnoy krest'yanskoy bytovoy pesni [Probes on Classification of the Traditional Peasant Everyday Song]. *Russkiy fol'klor* [Russian Folklore]. Moscow; Leningrad. Vol. 5. Pp. 200–218. In Russian.
- Kolpakova N. P.** (1962) Russkaya narodnaya bytovaya pesnya [Russian Folk Everyday Song]. Ed. by A. M. Astakhova. Moscow; Leningrad. In Russian.
- Kruglov Yu. G.** (1977) Poeticheskiy mir russkikh svadebnykh velichal'nykh pesen [Poetic World of Russian Wedding Extolling Songs]. *Problemy izucheniya russkogo ustnogo narodnogo tvorchestva (zhanrovaya spetsifika narodnykh proizvedeniy)* [Problems of Studies of the Russian Oral Folk Creativity (Genre Specifics of Folk Creations)]. Moscow. Issue 4. Pp. 89–104. In Russian.
- Kruglov Yu. G.** (1982) O zhanrovoy spetsifike poeticheskogo stilya obryadovoy poezii [About Genre Specifics of the Poetic Style of Ritual Poetry]. *Poeticheskaya stilistika* [Poetic Stylistics]. Voronezh. Pp. 24–32. In Russian.
- Lapin V.** (1995) Russkiy muzykal'nyy fol'klor i istoriya (k fenomenologii lokal'nykh traditsiy). Ocherki i etyudy [Russian Musical Folklore and History (To Phenomenology of Local Traditions): Essays and Exercises]. Moscow. In Russian.
- Lazutin S. G.** (1964) Ocherki po istorii russkoy narodnoy pesni (filologicheskoe issledovanie) [Essays on History of the Russian Folk Song (Philological Studies)]. Voronezh. In Russian.

Lobanov M. A. (2005) Eshche raz ob istokakh russkoy liricheskoy pesni [Once Again about the Rarities of the Russian Lyric Song]. *Pamyati Mikhaila Kesarevicha Mikhaylova* [In Memoriam Mikhail Kesarevich Mikhaylov. Coll. Materials to the 100th Anniversary of his Birthday (1904–2004)]. Comp., ed. by G. A. Nekrasova. St. Petersburg. Pp. 121–130. In Russian.

Lotman Yu. M. (1996) Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriya [Within Reasoning Worlds. Human — Text — Semiotic Sphere — History]. Moscow. In Russian.

Lur'e M. L. (2001) Obraz goroda v sovetskoy liricheskoy pesne [Urban Image in Soviet Lyric Songs]. *Obrazy Rossii v nauchnom, khudozhestvennom i politicheskom diskursakh (istoriya, teoriya, pedagogicheskaya praktika)* [Russia's Images in Scientific, Artistic and Political Discourses (History, Theory, Pedagogical Practice. Materials of Sch.-Pract. Conf. on the 4th–7th September 2000)]. Petrozavodsk. Pp. 214–225. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/luriem37.pdf> (retrieved: 07.06.2016). In Russian.

Mal'tsev G. I. (1989) Traditsionnye formuly russkoy narodnoy neobryadovoy liriki [Traditional Formulae of Russian Folk Non-Ceremonial Lyrics]. Leningrad. In Russian.

Nikolaev O. R. Pochemu my ne poem «russkie narodnye» pesni do kontsa (o nekotorykh mekhanizmax translyatsii russkoy pesennoy traditsii) [Why Don't We Perform "Russian Folk" Songs Till the Very End? (About Some Mechanisms of Transmission of the Russian Song Tradition)]. *Fol'klor i postfol'klor: struktura, tipologiya, semiotika* [Folklore and Post-Folklore: Structure, Typology, Semiotics]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/nikolaev1.htm> (retrieved 08.04.2016). In Russian.

Olson L. (2004) *Performing Russia. Folk revival and Russian identity.* New York; London. In English.

Olson L., Adon'eva S. B. (2016) Traditsiya, transgressiya, kompromiss: Miry russkoy derevenskoy

zhenshchiny [Tradition, Transgression, Compromise. Worlds of Russian Rural Women]. Moscow. In Russian.

Propp V. Ya. (1976) Fol'klor i deystvitel'nost': Izbrannyye stat'i [Folklore and Reality. Selected Works]. *Issledovaniya po fol'kloru i mifologii Vostoka* [Studies on Folklore and Mythology of the East]. Moscow. In Russian.

Razumovskaya E. N. (1984) Plach s «kukushkoy»: Traditsionnoe neobryadovoe goloshenie russko-belorusskogo pogranich'ya (po materialam ekspeditsiy 1971–1981 gg.) [Lament with a Cuckoo: Traditional Non-Ceremonial Lamenting at the Russian-Belarusian Border (On materials of Field Expedition 1971–1981)]. *Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor. Etnogeneticheskaya obshchnost' i tipologicheskie paralleli* [Slavic and Balkan Folklore. Ethno-Genetic Affinity and Typological Parallels]. Moscow. Pp. 160–178. In Russian.

Sokal'skiy I. (1851) O narodnykh russkikh pesnyakh [About Folk Russian Songs]. *Syn otechestva* [His Fatherland's Son]. 1851. Book 1. *Nauki i khudozhestva* [Sciences and Arts]. Pp. 1–16. In Russian.

Ushakin S. (2009) «Nam etoy bol'yu dyshat'»? O travme, pamyati i soobshchestvakh [Do We have to Breathe with This Pain? About Trauma, Memory, Communities]. *Travma. Punkty* [Trauma. Points]. Comp., ed. by S. Ushakin, E. Trubina. Pp. 5–41. In Russian.

Veselova I. S. (2003) Pragmatika ustnogo rasskaza [Pragmatics of an Oral Narrative]. *Sovremennyy gorodskoy fol'klor* [Contemporary Urban Folklore]. Ed. by A. F. Belousov, I. S. Veselova, S. Yu. Neklyudov. Moscow. Pp. 234–244. In Russian.

Veselovskiy A. N. (1989) Istoricheskaya poetika [Historical Poetics]. Moscow. In Russian.

Vlasova Z. I. (1984) O printsipakh publikatsii sovremennykh pesennykh zapisey [About Principles of Publication of Contemporary Song Recordings]. *Russkiy fol'klor* [Russian Folklore]. Leningrad. 1984. Vol. 22. Pp. 107–120. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: mercadera@yandex.ru

Tel.: +7 (812) 328-08-42

11, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Post-graduate student, department of History of Russian Literature, Faculty of Philology, St. Petersburg State University
